

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ КАДРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ В КОЛХОЗАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1953)

Рассматривается проблема обеспеченности колхозного производства Красноярского края кадрами к началу послевоенного восстановления и развития сельского хозяйства. На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, были выявлены такие источники пополнения колхозов рабочей силой, как демобилизация вооруженных сил, использование труда спецпоселенцев и японских военнопленных, переселение колхозников из европейской части страны, перемещение на производственные работы части управленческого персонала колхозов, вовлечение в работу женщин, имеющих малолетних детей, за счет создания яслей. Также автором дана оценка эффективности привлечения этих источников.

Ключевые слова: Красноярский край; послевоенный период; сельское хозяйство; колхозы; кадры; демобилизация; спецпоселенцы; японские военнопленные; переселение; эффективность труда.

Изучение опыта решения кадровой проблемы в колхозах Красноярского края в послевоенный период дает возможность лучше понять направления, результаты и цену работы по восстановлению и развитию сельского хозяйства как одного из крупнейших регионов, так и страны в целом.

В исследованиях советского периода по истории послевоенного восстановления народного хозяйства акцент делался на изучение роли в этой работе партийных организаций разного уровня. В таких фундаментальных работах, как «История крестьянства в СССР» [1] и «История Сибири» [2], были обозначены основные направления и проблемы развития сельского хозяйства, с которыми столкнулась колхозная деревня. Однако в этих трудах обобщающего характера процессы в регионах показаны в контексте работы, осуществляемой под руководством коммунистической партии на всей территории страны. К тому же приоритет в них принадлежит вопросам укрепления материально-технической базы колхозов и организации шефской помощи селу. Решение многих экономических и социальных проблем в колхозах Красноярского края изучено в недостаточной степени. В исторических исследованиях российских и сибирских историков О.В. Хлевнюка [3], Р.Г. Пихои [4], Е.Ю. Зубковой [5], В.А. Ильиных [6], В.А. Исупова [7], С.И. Кузнецова [8], М.Н. Спиридонова [9], Е.Л. Зберовской [10] и др., изданных в постсоветский период, внимание концентрируется на анализе политических проблем послевоенного периода, соотношении разных отраслей экономики и решении проблем социальной сферы. Однако многие проблемы восстановления и развития сельского хозяйства Красноярского края и, в том числе, вопросов обеспечения колхозного производства кадрами остаются слабо изученными.

Целью данного исследования является определение степени обеспеченности колхозного производства Красноярского края кадрами к началу послевоенного восстановления и развития сельского хозяйства, выявление источников обеспечения колхозов рабочей силой и специалистами разного уровня, а также оценка результативности привлечения этих источников.

Потери военнослужащих и гражданского населения в годы Великой Отечественной войны оказались настолько большими, что после ее окончания народное хозяйство долгое время испытывало хроническую нехватку рабочей силы. В предвоенном 1940 г. в

Красноярском крае насчитывалось 429 100 трудоспособных колхозников, однако к 1945 г. их осталось всего 210 000. Особенно остро ощущалось сокращение числа трудоспособных мужчин. За годы войны оно составило 122 700 человек, или 74% мужчин продуктивного возраста [11. Л. 273].

Кадровая ситуация в сельском хозяйстве края усугублялась в послевоенный период рядом обстоятельств, в частности возвращением в европейскую часть страны трудоспособных работников, эвакуированных в край в годы войны, постепенным отходом от производственной деятельности женщин, подростков и пожилых людей, а также оттоком колхозного населения в город для работы в сфере промышленности, транспорта и других отраслях народного хозяйства.

Постепенное улучшение кадровой ситуации стало ощущаться лишь в ходе демобилизации вооруженных сил страны. Она началась после принятия 23 июня 1945 г. Верховным Советом СССР закона «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», в соответствии с которым увольнению с военной службы подлежали тринадцать старших возрастов личного состава действующей армии. Демобилизация проводилась в шесть очередей и закончилась в марте 1948 г.

В первый демобилизационный год с 1 апреля 1946 г. по 1 января 1947 г. в Красноярский край вернулись 81 755 бывших военнослужащих. Большинство из них были мужчинами, количество женщин составило чуть больше 7% от общего числа демобилизованных. При этом из 57 660 воинов, приехавших на родину к 1 апреля 1946 г., в сельскую местность вернулись 44 691 человек, т.е. 77,5% из демобилизованных [12. Л. 85].

В 1945–1947 гг., согласно «Очеркам истории Красноярской краевой партийной организации», в край вернулись около 138 тыс. бывших воинов, из них более 32 тыс. – инвалидами, частично или полностью утратившими способность к труду. Из остальных примерно четвертая часть пошла на работу в промышленность, а три четверти стали трудиться в совхозах, МТС и колхозах края [13. С. 341]. Таким образом, благодаря мобилизации в село вернулись около 80 тыс. трудоспособных человек, что не могло не стать важным фактором восстановления народного хозяйства и его развития.

Стоит сказать, что советское руководство стремилось создать демобилизованным воинам благоприят-

ные условия для вхождения в мирную жизнь и обеспечить их тем минимальным набором социальных благ, которые могли послужить стартом для дальнейшей жизни. Согласно закону о демобилизации, государство обеспечивало их проезд к месту жительства, питание в пути следования, полный комплект обмундирования и обуви и единовременное денежное вознаграждение. Местные органы были обязаны обеспечить их в месячный срок работой с учетом специальности и приобретенного опыта, предоставить жилплощадь, топливо, а также оказать всемерную помощь в обустройстве хозяйства.

Для выполнения этого закона в Красноярском крае и его районах были созданы специальные комиссии, которые возглавили первые секретари райкомов и горкомов партии. Они контролировали организацию приема и устройство на работу демобилизованных воинов.

Во второй половине июля и августе 1945 г., когда в край стали прибывать первые эшелоны с демобилизованными воинами, партийные органы совместно с правлениями колхозов проводили по месту жительства собрания. На них жители деревень говорили о том, как обстоят дела в их колхозах и какие проблемы нужно решать в первую очередь. Это позволяло фронтовикам быстрее включаться в производственную деятельность.

Из прибывших к 1 апреля 1946 г. в край 57 660 человек на работу в короткие сроки было устроено 53 406 демобилизованных, из них 30 549 вышли на работу в колхозы, МТС и совхозы [12. Л. 86].

Всем демобилизованным, вернувшимся в Красноярский край, была выделена сильная материальная помощь. На эти цели было затрачено 1 975 000 руб. Кроме денежных средств фронтовики получили 1 392 ц хлеба, 7 500 кг мяса и других продуктов. Причем колхозы использовали для их поддержки и собственные, весьма ограниченные по тем временам ресурсы. Так, в Емельяновском районе колхоз «Оборона страны» выдал всем демобилизованным по одной овце, а в колхозе «Путь Ленина» бывшему кузнецу П.Ф. Печерскому, которого ждали для начала ремонта колхозного инвентаря, подготовили квартиру, выдали 50 кг муки, мясо, мед и другие продукты [Там же. Л. 85–89].

Конечно, в первое послевоенное время было невозможно создать каждому демобилизованному воину благоприятные жилищные условия. Тем не менее, согласно публикациям в газете «Красноярский рабочий», в ряде колхозов занимались строительством и выделением фронтовикам нового жилья. В рубрике «По нашему краю» было указано, что в колхозе имени Молотова Назаровского района было построено шесть пятистенных домов. Дома были переданы инвалиду Великой Отечественной войны Порфирию Демиденко и жене погибшего красноармейца Прасковье Колотий, а также другим фронтовикам и вдовам [14. С. 1]. В Емельяновском районе правление колхоза выделило квартиру капитану Ф. Школовердо. В Иланском районе офицеру А. Лисунову колхоз выделил ссуду 6 000 руб. для покупки дома [15. Л. 80–82]. В Дзержинском районе особо нуждающимся демобилизованным офицерам было отпущено 15 пар кожаной обуви, 37 пар валяной обуви, 12 полушубков. Для

посадки огородов многим бывшим фронтовикам по государственному ценам выделялся семенной картофель [16. Л. 85].

Проверка исполнения закона о демобилизации, проведенная крайисполкомом, показала, что большинство демобилизованных довольно быстро выходило на работу после возвращения домой. Например, из 1 154 человек, прибывших к 1 марта 1946 г. в Нижне-Ингашский район, к осени были трудоустроены 1 012 человек. Из них 606 человек приступили к работе в колхозах, 50 – трудоустроились в МТС, 67 – заняли руководящие должности и 64 – поступили в учебные заведения [Там же. Л. 54].

В Шушенском районе, в который с начала демобилизации прибыли 1058 человек, были трудоустроены 1 049 человек. В промышленности из них были заняты 264 человека, в сельскохозяйственной отрасли – 510, в административно-хозяйственном и советско-партийном аппаратах задействованы 63 человека; 9 инвалидов не были трудоустроены по состоянию здоровья [Там же. Л. 16].

Особое внимание партийные и советские органы края уделяли трудоустройству демобилизованных офицеров, возлагая на них большие надежды в сфере управления. Предполагалось, что, поставленные во главе хозяйств, они смогут наладить их работу. Так, более 20 офицеров, прибывших в Березовский район, в течение месяца были устроены на работу на более высокие должности, чем те, которые они занимали до войны [15. Л. 79].

В то же время государственная проверка показала, что, несмотря на нехватку кадров во многих колхозах и МТС, в 1946 г. появлялись сложности с обеспечением фронтовиков работой. Так, в Иланском районе не были трудоустроены 40 демобилизованных воинов [Там же. Л. 4], в Боготольском районе – 200 [16. Л. 7]. В Пировском районе было трудоустроено всего четверо демобилизованных военнослужащих и восемь человек были поставлены в очередь на трудоустройство. В одном только Канском райвоенкомате на учете значились более шестидесяти офицеров, не приступивших к работе в период от двух до пяти месяцев после увольнения в запас [15. Л. 83].

По состоянию на 1 октября 1946 г. в Красноярском крае насчитывалось 1 079 нетрудоустроенных фронтовиков, среди них – 299 бывших колхозников [16. Л. 33]. В соответствии с выводами комиссии крайисполкома по трудоустройству, одной из причин подобного положения был расчет последних получить более высокооплачиваемые должности, чем они имели до призыва [Там же. Л. 64].

Государство также принимало меры по трудоустройству инвалидов войны с учетом ограничений их трудоспособности. Так, в 1946 г. 43 инвалида войны прошли обучение профессии бухгалтера в Иланской профшколе и затем были приняты на работу в колхозы Иланского района [17. С. 1]. Райсобес Ужурского района в 1946 г. трудоустроил более шестидесяти инвалидов войны. За первое полугодие 1947 г. на должности бригадиров, звеньевых, бухгалтеров в колхозах Красноярского края были устроены 690 инвалидов [18. С. 4].

Таким образом, возвращение в сельскую местность демобилизованных воинов и грамотная полити-

ка государства по созданию благоприятных условий для их трудоустройства позволили частично заполнить пробелы нехватки управленцев и специалистов сельского хозяйства, в том числе пополнить рабочими ресурсами МТС.

Однако кардинальным образом ситуация не менялась: на протяжении первых послевоенных лет сельское хозяйство ощущало хроническую нехватку кадров. Стремясь разрешить проблему, органы государственной власти пытались компенсировать нехватку рабочей силы практикой применения в хозяйствах принудительного труда.

Уже на завершающем этапе Великой Отечественной войны в Красноярский край стали доставляться контингенты «неблагонадежных» в политическом отношении русских, поляков, советских немцев, финнов, калмыков, крымских татар, украинских и прибалтийских коллаборационистов из европейской части страны, бывшей в годы войны в оккупации. В первую волну депортации в 1944 г. в край прибыли 2 113 человек. Позже в край были сосланы более 6 740 «власовцев», которых расселили в Артемовском, Енисейском, Рыбинском, Северо-Енисейском, Ширинском районах, однако к сельскохозяйственным работам они почти не привлекались [19. С. 250–252].

С конца 1948 г. в край стали поступать «указники», к которым были отнесены лица, уклоняющиеся от трудовой деятельности и ведущие антиобщественный и паразитический образ жизни. Их выселяли в отдаленные районы страны, как правило, на 8 лет [20. С. 377].

Из Литовской ССР на спецпоселение в край прибыло 4 902 семьи, из которых 2 470 семей планировалось разместить в колхозах и 1 530 семей в совхозах 47 районов края. Но из-за сложности перевозки людей в период весенней распутицы и нехватки жилья их пришлось расселить только в 36 районах [Там же. С. 376–377].

К началу 1950-х гг. в Красноярский край прибыли более 16 000 калмыков, которых поселили в Ужурском, Рыбинском, Канском, Боготольском и Ачинском районах [Там же. С. 378].

Осенью 1951 г. в край были доставлены свыше 10 000 выходцев из прибалтийских республик, 67% которых были направлены в сельскохозяйственные районы – Ужурский, Сухобузимский, Новоселовский, Назаровский, Краснотуранский, Ачинский, Березовский, Боготольский, Канский [20. С. 377].

Резюмируя вышесказанное, в 1953 г. на спецучете в Красноярском крае состояли 170 тыс. спецпоселенцев, расселенных в 37 районах края и находившихся под надзором 127 спецкомендатур. Большинство семей ссыльных было размещено в колхозах и совхозах края [Там же. С. 376]. Они по-разному адаптировались к новому для них статусу и жизни в непривычных климатических условиях Сибири. В основном они пополняли ряды неквалифицированной рабочей силы, но были среди них и трактористы, комбайнеры, слесари по обслуживанию сельскохозяйственных машин и инвентаря. В начале 1950-х гг. часть спецпереселенцев работала в колхозах бухгалтерами, учетчиками, бригадирами и звеньевыми.

Таким образом, население края в послевоенный период пополнилось достаточно большим количеством

ссыльных, благодаря которым снизилась острая нехватка рабочей силы, но полностью каровая проблема в сельскохозяйственном производстве решена не была. К тому же местные органы власти, ответственные за трудоустройство прибывших, зачастую не могли выполнить предписания государственных органов об обеспечении их жильем, теплой одеждой и обувью, скотом и продуктами питания. Это было связано с общими для страны трудностями послевоенного времени, а также негативным отношением к спецпоселенцам части сибиряков, вынесших на своих плечах тяготы войны и переживших боль потери своих родных и близких.

В послевоенный период сельское хозяйство Красноярского края временно пополнилось еще одной категорией подневольных рабочих – японскими военнопленными.

После разгрома Квантунской армии 23 тыс. из 640 тыс. военнопленных были направлены в Красноярский край. Правда, большая их часть использовалась на тяжелых работах в промышленности, строительстве, шахтной добыче угля. 370 военнопленных были заняты на земляных работах по строительству Абаканского оросительного канала [9].

Однако в сельском хозяйстве в марте 1946 г. было задействовано всего 2,6% от общего числа японских военнопленных. При этом в период пахоты, проведения посевных и уборочных работ число военнопленных, привлекаемых к сельскохозяйственным работам, доходило до 10–12% от общего контингента [21. С. 24].

По распоряжению управления НКВД по Красноярскому краю, в период пика проведения сезонных сельскохозяйственных работ из числа военнопленных создавались специальные команды – «подкомандировки», которые работали на посевах, прополке и сборе урожая, косили сено, ухаживали за скотом. Так, в селе Атаманово Сухобузимского района японцы заготавливали овощи и сено для отправки в Красноярск [9].

Однако труд военнопленных был малоэффективен. Люди с ослабленным организмом, работая до 18 часов летом и 12 зимой, зачастую не выдерживали нагрузки и умирали. Согласно данным С.И. Кузнецова, процент смертности японских военнопленных, занятых в сельском хозяйстве, достигал 15,1% [21. С. 24–25]. При этом, как отмечает М.Н. Спиридонов, применение японских военнопленных, особенно в период проведения уборочной кампании, рассматривался лагерным начальством как способ сохранить им жизнь за счет доступа к свежей овощной продукции [9].

В целом можно сказать, что применение принудительного труда японцев не позволило решить кадровую проблему в сельском хозяйстве, кроме того, к концу четвертой пятилетки они были репатриированы на свою родину.

Другими важными источниками пополнения хозяйств Красноярского края рабочей силой были политика переселения людей, в том числе из других регионов, и концентрация их в хозяйствах, переселение в которые дало бы экономический эффект.

В крайком ВКП(б) и крайисполком из районов шел нескончаемый поток запросов с просьбой обеспечить переселение семей из-за пределов края для работы в колхозном производстве. Например, из Манского и Казачинского районов в краевой комитет пар-

тии в 1951 г. поступили запросы на переселение не менее 300 семей в каждый район для пополнения рабочей силы колхозов [22. Л. 86, 132].

Необходимость обеспечения колхозов и совхозов края рабочей силой заставила Красноярский крайком ВКП(б) и крайисполком неоднократно обращаться в Совет министров СССР с ходатайством о переселении в край трудоспособного населения из других регионов страны. В начале сентября 1951 г. были приняты адресные постановления Советов министров СССР и РСФСР «О переселении в колхозы Красноярского края». Главным переселенческим управлением при Советах министров СССР, РСФСР, Чувашской и Мордовской АССР было поручено в 1952–1953 гг. на добровольных началах переселить в колхозы Красноярского края 4 000 семей колхозников [Там же. Л. 99–103].

Советы министров Чувашской и Мордовской АССР были обязаны обеспечить своевременный подбор переселенцев, полный расчет с ними по трудодням, отправить в Красноярский край глав семей или других трудоспособных членов семей для подготовки жилья к встрече семей, организовать подвоз переселяющихся к железнодорожным станциям.

Вышеназванное постановление предусматривало переселение целых колхозов и бригад, изъявивших желание переехать. По логике правительства, такое переселение должно было упростить адаптацию трудовых коллективов на новом месте за счет использования собственных мобилизационных ресурсов. В целях поощрения колхозов к переселению с них списывались числящиеся за ними недоимки по обязательным поставкам государству продуктов, по подоходному налогу и страховым платежам. Колхозникам рекомендовалось перевозить с собой имущество, сельскохозяйственные машины, инвентарь, транспортные средства, поголовье всех видов продуктивного скота и птицы, пчелосемьи, семенные, фуражные и другие фонды. Перевозку имущества колхозников, переселяющихся по железной дороге и водным путям, должны были производить за счет государства. Для создания условий по налаживанию работы по месту вселения Сельскохозяйственный банк должен был выдавать таким колхозам долгосрочный кредит в размере до 90% от необходимых для этого денежных затрат [Там же].

Однако краевые органы власти не могли в достаточной степени обеспечить прием, размещение и организацию использования труда переселенцев. Для этого местным властям необходимо было как минимум обеспечить их жильем. Так, на Красноярский крайисполком правительством РСФСР была возложена ответственность за строительство новых и ремонт 1 700 домов для переселенцев в 1952 г. и 2 300 домов – в 1953 г. Помимо этого, в двухмесячный срок краевым органам нужно было определить колхозы, куда будет произведено вселение, организовать в них постоянные лесозаготовительные и строительные бригады, закрепить за ними необходимый транспорт и утвердить графики подготовки домов к заселению переселенцев [23. Л. 72–75]. Такая же работа велась в рамках подготовки к встрече переселенцев в леспромхозы для работы в лесодобывающей и перерабатывающей промышленности [24. С. 36–41].

В итоге за период с 1950 по 1952 г. в край было переселено 2 565 семей, из них в колхозы – 1 502, леспромхозы – 1 063.

Однако на практике переселенные семьи сталкивались с большими сложностями при обустройстве на месте. План строительства домов для переселенцев в 1951 г. был выполнен только на 58,4%, а в 1952 г. – на 18%. Особенно неудовлетворительно велось строительство в Хакасской автономной области, где в 1952 г. было построено только 115 домов, или 11,5% к плану. Многие переселенцы не получили домов, приусадебных участков и скота, ради которых они согласились на переселение.

Из-за этого в 1950–1952 гг. покинули места вселения и выбыли за пределы края 553 семьи, в том числе из колхозов 505 (33,7%) и леспромхозов 48 семей (4,5%). Эта ситуация ставила под вопрос целесообразность дальнейшего проведения планового переселения, и в итоге в 1952 г. было принято решение о приостановке переселения 600 семей в колхозы края [25. Л. 53].

Но если добровольное переселение было приостановлено, то от принудительного правительство страны отказываться не собиралось. Стоит сказать, что согласно статистике переселения в Красноярский край, плановое переселение хоть и положительно влияло на баланс трудоспособного населения в колхозах, но оно не могло закрыть их потребности в рабочей силе.

Представленные материалы позволяют сделать вывод, что в послевоенные годы кадровый вопрос был одним из самых сложных, и невозможность его полного решения существенно затрудняла выполнение четвертого пятилетнего плана восстановления и развития сельского хозяйства края. Поэтому существенный резерв решения проблемы кадров находился в сфере повышения эффективности труда колхозников, тем более что в условиях катастрофической нехватки кадров каждый трудоспособный человек был на счету.

В качестве одного из источников увеличения рабочей силы в колхозах партийные и советские органы Сибирского региона рассматривали перераспределение трудоспособного, в первую очередь мужского населения из сферы управления непосредственно в колхозное производство. Большие надежды возлагались на работу по ликвидации нарушений Устава сельхозартели и укрупнению колхозов. Но они не оправдались, так как на практике в результате этой работы по краю были высвобождены только 3 609 работников [26. Л. 42]. Среди них оказалось немало инвалидов, комиссованных из вооруженных сил, и женщин. При этом часть женщин, освобожденных от управленческих должностей, перешла на работу в детские сады, избы-читальни укрупненных колхозов или, из-за отсутствия во многих колхозах детских дошкольных учреждений, превратилась в домохозяйек.

Помимо всего прочего, с целью снизить кадровый голод в колхозах и помочь им сократить расходы государство проводило политику по сокращению численности административно-управленческого аппарата в колхозах, в ходе которой планировалось вернуть к производственной деятельности жен руководящего состава колхозов. В Красноярском крае данная политика проводилась с 1948 по 1950-е гг. в соответствии

с выполнением Постановления Совета министров СССР от 3 сентября 1948 г. «О сокращении штатов административного и обслуживающего персонала в колхозах и об упорядочении расходования трудодней на их оплату».

Во время ее проведения многие колхозники на собраниях резко высказывались против привилегированного положения членов семей руководителей. Перевод части бригадиров, заведующих фермами, в ряды простых колхозников заставил их самих и членов их семей выйти на работу и тем самым несколько ослабить проблему нехватки кадров. И хотя сокращение происходило медленными темпами, а именно к 20 октября 1948 г. постановление было обсуждено на общих собраниях колхозников только в 133 колхозах из 2 334, в них сократили 80 человек, каждый из которых был направлен на работу в полеводческие бригады и на животноводческие фермы [27. Л. 276].

При переходе к мирной жизни началось постепенное воспроизводство населения. Фронтовики возвращались домой, женщины рожали и занимались воспитанием послевоенного поколения советских граждан. Так, если в январе 1946 г. население СССР составляло 170 548 000 человек, то к январю 1951 г. оно выросло уже до 182 321 000 человек [28. С. 63].

Материалы архивов Красноярского края подтверждают вывод, сделанный специалистом по исторической демографии В.А. Исуповым, что быстрое увеличение сельского населения было своеобразной компенсаторной реакцией на его резкое сокращение в годы Великой Отечественной войны и что важной особенностью демографической ситуации в Сибири в годы четвертой пятилетки был ускоренный рост численности жителей сельской местности [7. С. 23].

С одной стороны, это должно было благоприятно отразиться на решении кадровой проблемы: увеличение рождаемости – это в будущем потенциальное увеличение числа работников села (при условии, что новое поколение останется работать в колхозах). Но, с другой стороны, высокая рождаемость порождала новые проблемы, влияющие на трудоспособность женщин-колхозниц. Новорожденные требовали специального ухода. Возникла потребность в яслях, детских домах и т.п. Отсутствие социальной инфраструктуры влияло на качество работы колхозников, в первую очередь женщин. В этой связи представляется важным остановиться на данной проблеме более внимательно.

Определяющим показателем в оценке эффективности работы сельских тружеников является выработка трудодней. В докладной записке, направленной из Красноярского края в Совет по делам колхозов при Правительстве СССР, было указано, что в 1947 г. 24 120, или 9,2%, 260 140 трудоспособных колхозников и 13 470, или 23,1%, из 58 303 подростков, работавших в колхозах, не выработали минимума трудодней. По разным причинам совсем не принимали участия в общественных работах 1 368 взрослых, или 0,5% от общего количества трудоспособных колхозников, и 2 994 подростка, что составило 5,1% от этого количества. Из 37 590 колхозников, не выработавших минимума трудодней, мужчин было 1 597, подростков – 13 470, женщин – 22 523 [27. Л. 72а–74].

Например, в колхозах Канского района из 7 470 трудоспособных колхозников 1 076 человек, или 14,4%, не выработали этого минимума. Среди отстающих в работе были более 70 мужчин и 1 005 женщин. Из 1 572 работающих подростков минимума не выработали 481 человек, или 30% от их общего числа. Вообще не принимали участие в общественных работах 140 женщин и 174 подростка. В колхозе имени Ворошилова с. Амонаш этого же района из 284 трудоспособных колхозников не выработали минимума трудодней 83 женщины, или 29,1% от их числа, и 44 подростка из общего количества 98 человек, что составило 44,8%. Схожая ситуация сложилась в колхозе «Большевик» с. Ашкаул. Из 367 трудоспособных колхозников здесь не выработали минимума трудодней 8 мужчин, 80 женщин и 40 из 60 подростков [Там же].

В колхозах Уярского района из 4 750 трудоспособных колхозников минимума трудодней не выработали 711 человек, а 63 колхозника вовсе не принимали участия в колхозном производстве. Так, в колхозе «Память Ленина», где 32 колхозницы не выработали минимума трудодней, 14 из них объяснили это отсутствием детских яслей, 5 – болезнями, 4 – большим личным хозяйством, 4 – многодетностью и 1 – выездом на учебу.

В колхозе им. Щетинкина этого же района 31 женщина не выработала минимума трудодней. Выяснение причин показало совершенно схожую ситуацию с вышеупомянутым колхозом. 19 женщин здесь имели маленьких детей и из-за отсутствия в колхозе яслей не могли регулярно выходить на работу, 6 колхозниц работали не в полную силу из-за болезней, а 3 многодетные женщины сослались на необходимость содержать большое личное подсобное хозяйство. К особой категории колхозниц относились жены руководителей и специалистов хозяйств, которые нередко либо направлялись на более легкие виды работ, либо совсем не участвовали в колхозном производстве. Так, в вышеуказанном колхозе домохозяйками были записаны жены председателя колхоза, бригадира тракторного отряда и заведующего фермой [Там же. Л. 75].

Правления колхозов по разным причинам мирились с невыходами колхозников и колхозниц на работу. Они не хотели портить отношения с председателями колхозов, другими управленцами, «входили в положение» некоторых членов сельхозартелей.

Так, правление колхоза им. Щетинкина не приняло никаких мер воздействия к колхознице А.Ф. Понко, которая в 1947 г. выработала всего 105 трудодней. Она жила с работающим мужем, который хорошо зарабатывал по трудодням и к которому у правления не было претензий, занималась своим личным хозяйством, состоявшим из двух коров, четырех овец, одной свиньи, обрабатывала огород площадью 0,35 га. Это не являлось обстоятельством, освобождающим от работы в колхозном производстве. Но она, как и часть других женщин, которые до коллективизации многие годы вели индивидуальное хозяйство, предпочитала, по возможности, работать не в общественном производстве, а в своем подсобном хозяйстве.

Представитель Совета по делам колхозов при Совете министров СССР, работавший в Красноярском крае, заявил о бездействии правления колхоза по отношению, колхознице А.Ф. Понко. В результате в колхозе им. Щетинкина из 31 женщины, не выработавшей минимума трудодней, только четверых обсуждали на правлении колхоза, и две колхозницы были привлечены к судебной ответственности.

Для того чтобы более полно вовлечь в производственную деятельность женщин из небольших колхозных семей, занятых преимущественно в своих личных хозяйствах, краевые органы власти запретили колхозникам, не вырабатывающим обязательного минимума трудодней, увеличивать размеры индивидуального подсобного хозяйства, которое велось в ущерб колхозному производству [29. С. 3, 12].

В соответствии с информацией представителя Совета по делам колхозов в Красноярском крае, основной причиной невыработки колхозницами трудодней был уход за новорожденными и малолетними детьми. Управление сельского хозяйства при крайисполкоме после анализа сложившейся ситуации пришло к закономерному выводу о необходимости создания в колхозах детских учреждений, в первую очередь яслей.

Стоит отметить, что создание детских учреждений предписывалось еще в годы войны Постановлением Совнаркома РСФСР от 11 марта 1944 г. № 201 «Об организации детских яслей и детских площадок в колхозах». В соответствии с его требованиями в Красноярском крае должно было открыться 2 329 яслей с охватом 48 440 детей. Сезонные ясли в период посевной и уборочной кампаний должны были работать круглосуточно. Для проведения подготовительных работ к открытию детских учреждений в колхозы 30 районов края из Красноярска были направлены медицинские работники. По актам проведенных ими проверок было установлено, что райфо, районо, райисполкомы, ссылаясь на загруженность хозяйственными проблемами, практически не принимали участия в организации детских учреждений [30. Л. 1].

Тем не менее к концу мая 1944 г. в колхозах края было развернуто 297 яслей с охватом 8 328 детей. В июле было развернуто 628 яслей на 17 573 ребенка, в период уборочной количество яслей возросло до 1 422 с охватом 33 553 детей [Там же]. Лучшими районами по созданию детских яслей стали Бирилюсский, Березовский и Артемовский, которые удовлетворяли соответственно 75, 95 и 100% всех потребностей.

Дальнейшее функционирование яслей и детских площадок регулировалось решением исполкома крайсовета № 481 от 7 апреля 1945 г. «Об организации детских яслей». Начиная с 1945 г. в крае планировалось создать 2 279 яслей, которые должны были охватить не менее 44 410 детей, а также детских площадок, рассчитанных на 15 785 человек. Другими словами, в каждом колхозе должно было функционировать хотя бы одно детское учреждение. Одновременно с этим у колхозов появлялась дополнительная статья расходов – обеспечение яслей необходимыми продуктами питания. Для этой цели в колхозах должны были быть созданы фонды питания в яслях за счет собственных запасов. Снабжение яслей и площадок

должно было осуществляться бесперебойно [30. Л. 6]. Ежедневно во всех яслях проводились осмотры сельскими фельдшерами, а также медсестрами и докторами, которые направлялись из краевого центра. При всех положительных моментах имелись и минусы. Так, проверками ряда яслей в разных районах был выявлен недостаток мягкого и твердого инвентаря, игрушек и материалов для занятий [Там же. Л. 1].

Однако реальность внесла существенные коррективы и потребовала от государства пересмотра разработанных планов. В 1946 г. разразилась сильнейшая засуха, и в следующем 1947 г. все внимание было направлено на посевную кампанию. В итоге подготовка к открытию сезонных яслей временно была свернута. В результате этого лишь отдельные колхозы Ачинского, Канского и Уярского районов имели детские ясли.

Таким образом, руководителями краевых органов власти предпринимались различные меры по изменению сложившейся ситуации: от обеспечения колхозов детскими яслями, которые должны были освобождать женщин от ухода за детьми в рабочее время, до сокращения личных хозяйств, которые давали возможность людям содержать свои семьи.

В свою очередь, отдел здравоохранения исполнительного комитета Красноярского краевого совета депутатов принял меры по снижению временной нетрудоспособности колхозников. Для этого в районах края было открыто 11 стационаров на 131 койку [Там же. Л. 1]. Конечно, это не могло высвободить достаточное количество рабочих рук, но давало возможность сократить сроки временной нетрудоспособности части колхозников.

Эта работа вписывалась в политику государства по развитию системы оздоровительных учреждений и укреплению здоровья населения. В 1945 г. в Красноярске был открыт летний туберкулезный санаторий, в котором лечение получили 450 человек. В санатории с трехменным режимом для детей с проявлениями рахита пролечились 180 человек, в школьном санатории с трехменным режимом работы курс оздоровления прошли 750 человек. Причем особое внимание уделялось укреплению здоровья фронтовиков и членов их семей. Так, в 1946 г. из 160 человек, получивших медицинскую помощь в туберкулезном санатории, 118 были членами семей фронтовиков. Из 60 человек, прошедших реабилитацию в санатории для больных рахитом, 52 пациента были членами семей фронтовиков. Из 256 учащихся, отдохнувших в школьном санатории, 190 были детьми фронтовиков [Там же. Л. 57].

В районах края были созданы пионерские лагеря санаторного типа с повышенными нормами питания [Там же. Л. 52]. Для поддержания молодых беременных женщин и в первое время после рождения ребенка в условиях резко выросшей после войны рождаемости в крае открыли 80 школ матерей. Помимо психологической помощи, школы организовывали сбор грудного молока для нуждающихся матерей [Там же. Л. 1].

Это были очень важные меры по профилактике заболеваний и оздоровлению населения. В документах о работе вышеуказанных оздоровительных учреждений говорится, что в них лечились и отдыхали колхозники и их дети, но статистики, показывающей их

количество, нам найти не удалось. Очевидно, что учреждений данного типа было недостаточно для охвата населения всего края, но это не отменяет общей положительной оценки их создания и работы.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что к окончанию Великой Отечественной войны колхозное производство переживало большую нехватку рабочей силы, что было связано с потерями военнослужащих и гражданского населения в годы войны. Усугубили кадровую ситуацию в колхозах края отъезд из Красноярского края эвакуированного населения, перераспределение рабочей силы из колхозов в промышленность и на транспорт через призыв в школы ФЗО и ремесленные училища, направление работников в садоводство, закладку лесополос, проведение мелиоративных работ.

Улучшение кадровой ситуации в сельском хозяйстве стало ощущаться лишь в ходе демобилизации вооруженных сил страны. Краевые и районные органы власти, правления колхозов принимали меры, позволявшие бывшим фронтовикам, в том числе инвалидам войны, быстрее включаться в производственную деятельность. Правительство страны пыталось обеспечить регион людскими ресурсами за счет организо-

ванного переселения трудоспособного населения из европейской части страны и направления в край различных категорий принудительно перемещаемого населения, вплоть до японских военнопленных. Это было обусловлено высокой ролью Красноярского края в снабжении страны продовольствием и восстановлении сельскохозяйственного производства в европейской части страны на территориях, подвергшихся оккупации в годы войны.

В качестве источников увеличения рабочей силы в колхозах края рассматривались перераспределение трудоспособного населения из сферы управления непосредственно в колхозное производство, повышение эффективности труда за счет более полной выработки трудодней, создание условий для вовлечения в колхозное производство женщин, имевших малолетних детей, снижение потерь рабочего времени из-за временной нетрудоспособности. Однако в рассматриваемый нами период при существовавших формах организации и стимулирования труда в колхозах удалось улучшить их кадровый потенциал, но решить проблему полной обеспеченности трудоспособными кадрами оказалось невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. История советского крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4.
2. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л., 1969. Т. 5.
3. Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «Дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3.
4. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998.
5. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000.
6. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Раздел 2. Новосибирск, 2001.
7. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.
8. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997.
9. Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Красноярск, 2003. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/20.htm>
10. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940–1950-е гг.). Красноярск, 2010.
11. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. П-26. Оп. 15. Д. 21.
12. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 16. Д. 1.
13. Очерки истории красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. Красноярск, 1982.
14. Строительство идет // Красноярский рабочий. 1946. № 122.
15. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 16. Д. 646.
16. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 16. Д. 652.
17. Инвалиды войны // Красноярский рабочий. 1947. № 154.
18. Работа для инвалидов // Красноярский рабочий. 1947. № 171.
19. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы из Западной Украины в Красноярском крае. 1945 – начало 1960-х гг.: процесс социокультурной адаптации // Вестник КрасГАУ. 2014. № 5. С. 250–254.
20. Зберовская Е.Л. Численность, состав и территориальное размещение спецпоселенцев в Красноярском крае. 1945 – начало 1950-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2006. № 11. С. 374–379.
21. Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945–1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994.
22. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 578.
23. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 23. Д. 3.
24. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в лесную промышленность Сибири в 50-е годы XX в. // Духовно-исторические чтения : тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск, 1998. Вып. 3.
25. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 25. Д. 598.
26. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 535.
27. ГАКК. Ф. Р-2138. Оп. 1. Д. 3.
28. Андреев Е.М. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993.
29. Личное подсобное хозяйство в условиях агропромышленной интеграции. М., 1988.
30. ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 1615.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 мая 2017 г.

SOLVING THE STAFF PROBLEM ON COLLECTIVE FARMS IN KRASNOYARSK KRAI IN THE POST-WAR YEARS: THE BASIC WAYS (1946–1953)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 421, 80–87.

DOI: 10.17223/15617793/421/12

Ekaterina A. Borisenko, Krasnoyarsk Regional Museum of Local History (Krasnoyarsk, Russian Federation); Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: katrin19890301@mail.ru

Keywords: Krasnoyarsk Krai; post-war period; agriculture; collective farms; workers; demobilization; special settlers; Japanese prisoners of war; resettlement; labor efficiency.

The key issue of the article is the staff resources on collective farms in Krasnoyarsk Krai by the beginning of the post-war reconstruction and agriculture development. The labor force sources are identified and the efficiency of their attraction is assessed. The study is based on the archival materials introduced for the first time. The author points out that solving the problem of labor shortages caused by the great Patriotic war was necessary for the successful agriculture recovery and development in the USSR and in Krasnoyarsk Krai in particular. During the war the number of productive farmers declined by more than 50 % in the region. The situation was gradually improved due to the armed forces demobilization. Returning to collective farms and employment of about 80 thousand productive farmers were important factors of agricultural development. Moreover, measures were taken to employ disabled veterans. All of the above allowed partially to fill the gaps of staff shortage. Furthermore, forced labor was used to compensate for labor shortages as well. The article contains the following facts: at the end of the war politically “unreliable” Russians, Poles, Soviet Germans, Ukrainian and Baltic collaborators were delivered from the former occupied European part of the country. Eventually, 170 thousand deportees, resettled in 37 districts, were registered in the region in 1953. Most of their families were placed in the local farms, where they had to work. Japanese prisoners of war were another category of forced laborers. However, in March 1946 only 2.6 % of the total number of war prisoners were involved in agriculture, and their work was ineffective due to their weak health. In addition, the regional authorities repeatedly appealed to the USSR Council of Ministers with requests for relocation of the working-age population from other areas to the region. 4,000 families of farmers were to be resettled to the region in 1952–1953. However, the regional authorities were unable to provide essential reception, housing and arrange the workflow. As a result, the resettlement process was suspended. The author also concludes that some results were obtained through the managing staff reduction policy, the involvement of farm heads’ families in work. There were preschools in the farms for women with young children to be able to work. Medical and health institutions, health resorts and children’s camps opened, which reduced people’s temporary incapacity and improved their health. The author comes to a conclusion that the regional and national authorities took various measures to solve the staff issue in the collective farms. There were a lot of important and difference-making processes: the “external” human resources inflow (demobilization, migration, using prisoner labor, farm families and collective farms resettlement), internal farmers redistribution from administrative work to production and working-age women involvement. These measures contributed to the improvement of collective farms staff potential; however, solving the problem and providing workers to every farm in the region was an impossible task.

REFERENCES

1. Volkov, I.M. (ed.) *Istoriya sovet'skogo krest'yanstva SSSR* [[History of the Soviet peasantry. In 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
2. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1969) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 t.* [History of Siberia from ancient times to our days. In 5 volumes]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
3. Khlevnyuk, O.V. (2001) Sovetskaya ekonomicheskaya politika na rubezhe 1940–1950-kh godov i “Delo Gosplana” [Soviet economic policy at the turn of the 1950s and the “Gosplan case”]. *Otechestvennaya istoriya*. 3.
4. Pikhoya, R.G. (1998) *Sovetskii Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [The Soviet Union: the history of power. 1945–1991]. Moscow: Russian Academy of State Service.
5. Zubkova, E.Yu. (2000) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost', 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life, 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
6. Il'inykh, V.A. (ed.) (2001) *Ocherki istorii krest'yanskogo dvora i sem'i v Zapadnoy Sibiri. Konets 1920-kh – 1980-e gody* [Essays on the history of the peasant household and family in Western Siberia. The end of the 1920s–1980s]. Part 2. Novosibirsk: IDMI.
7. Ispov, V.A. (1991) *Gorodskoe naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh – konets 50-kh gg.)* [The urban population of Siberia: from the disaster to the revival (late '30s – late '50s)]. Novosibirsk: Nauka.
8. Kuznetsov, S.I. (1997) *Yaponsky v sibirskom plenu (1945–1956 gg.)* [The Japanese in the Siberian captivity (1945–1956)]. Irkutsk: Izd-vo zhurnal “Sibir”.
9. Spiridonov, M.N. (2003) *Yaponskie voennoplennyye v Krasnoyarskom krae (1945–1948 gg.): problemy razmeshcheniya, soderzhaniya i trudovogo ispol'zovaniya* [Japanese prisoners of war in Krasnoyarsk Krai (1945–1948): problems of placement, maintenance and employment]. Krasnoyarsk. [Online] Available from: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/20.htm>.
10. Zberovskaya, E.L. (2010) *Spetsposelentsy v Sibiri (1940–1950-e gg.)* [Special settlers in Siberia (1940s–1950s)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
11. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 15. File 21. (In Russian).
12. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 16. File 1. (In Russian).
13. Silkova, N.P. (ed.) (1982) *Ocherki istorii krasnoyarskoy kraevoy organizatsii KPSS. 1895–1980* [Essays on the history of the Krasnoyarsk Territorial Organization of the CPSU. 1895–1980]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe kn. izd-vo.
14. Krasnoyarskiy rabochiy. (1946) Stroitel'stvo idet [Construction is underway]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 122.
15. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 16. File 646. (In Russian).
16. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 16. File 652. (In Russian).
17. Krasnoyarskiy rabochiy. (1947) Invalidy voyny [Invalids of war]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 154.
18. Krasnoyarskiy rabochiy. (1947) Rabota dlya invalidov [Work for invalids of war]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 171.
19. Zberovskaya, E.L. (2014) *Spetsposelentsy iz Zapadnoy Ukrainy v Krasnoyarskom krae. 1945 – nachalo 1960-kh gg.: protsess sotsiokul'turnoy adaptatsii* [Special settlers from Western Ukraine in the Krasnoyarsk Territory. 1945 – early 1960s: the process of socio-cultural adaptation]. *Vestnik KrasGAU – Krasnoyarsk State Agrarian University Journal*. 5. pp. 250–254.
20. Zberovskaya, E.L. (2006) *Chislennost', sostav i territorial'noe razmeshchenie spetsposelentsev v Krasnoyarskom krae. 1945 – nachalo 1950-kh gg.* [Number, composition and territorial distribution of special settlers in Krasnoyarsk Krai. 1945 – early 1950s]. *Vestnik KrasGAU – Krasnoyarsk State Agrarian University Journal*. 11. pp. 374–379.
21. Kuznetsov, S.I. (1994) *Yaponskie voennoplennyye v SSSR posle Vtoroy mirovoy voyny (1945–1956 gg.)* [Japanese prisoners of war in the USSR after the Second World War (1945–1956)]. Abstract of History Dr. Diss. Irkutsk.
22. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 22. File 578. (In Russian).
23. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 23. File 3. (In Russian).
24. Zandanova, L.V. (1998) *Pereselenie krest'yanstva v lesnuyu promyshlennost' Sibiri v 50-e gody XX v.* [The resettlement of the peasantry in the timber industry of Siberia in the 1950s]. *Dukhovno-istoricheskie chteniya* [Spiritual historical readings]. Abstracts of interuniversity conference. Vol. 3. Krasnoyarsk: KrasGASA. (In Russian).
25. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 25. File 598. (In Russian).
26. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 22. File 535. (In Russian).
27. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-2138. List 1. File 3. (In Russian).
28. Andreev, E.M. (1993) *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991* [The population of the Soviet Union, 1922–1991]. Moscow: Nauka.
29. Ostrovskiy, V.B. et al. (1988) *Lichnoe podsobnoe khozyaystvo v usloviyakh agropromyshlennoy integratsii* [Personal subsidiary farming in the context of agro-industrial integration]. Moscow: Nauka.
30. State Archive of the Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1384. List 1. File 1615. (In Russian).

Received: 15 May 2017